

КОНЦЕПТУАЛЬНІ ПИТАННЯ ТЕОРІЇ ЛІТЕРАТУРИ І ЛІТЕРАТУРНОЇ КРИТИКИ

УДК 82.0+159.98

Мариям Арпентьева

ТРАНСГРЕССИЯ И УСПЕХ РЕВОЛЮЦИЙ

В статье проанализированы социокультурные аспекты феномена трансгрессии. Феномен трансгрессии сравнивается с феноменом трансценденции, отмечается роль десакрализации в возникновении (порождении) и разрушении (запрете) трансгрессии.

Акты трансгрессии являются одной из типичных форм реагирования на встречу с Чужим / Иным в новых для субъекта трансгрессии условиях. Это дает личности или сообществу возможность продуктивных и эффективных способов адаптации к меняющимся условиям среды, но одновременно создает риск деструкции и неэффективности, в том числе качественного и количественного развития преступности. Трансгрессия сама по себе не является положительным или отрицательным явлением. Это один из механизмов приспособления к новым условиям существования, которые позволяют человеку или обществу выживать в сложных условиях гетерохронии или гетеротопии.

Литературно-художественная и философско-психологическая проза отражают трансгрессирующие и трансцендирующие тенденции в развитии человека и общества, осмысляя все новые виды преступлений человека и общества против себя и друг друга, связанные с десакрализацией как постоянной «игрой на понижение». «Игра на понижение» сочетается с тотальным развалом культуры как системы запретов и предписаний, способствующих сохранению, гармонизации и развитию человека и общества.

Ключевые слова: трансгрессия, сакральное, десакрализация, трансценденция, порождение, запрет, предписание, революция.

Актуальность исследования. Процесс социального взаимодействия, невозможный без выстраивания культуры как системы запретов и предписаний, а также способов следования им, предполагает (по крайней мере, в традиционном обществе) выход в сверхчеловеческую и сверхсоциальную сферу, которая и будет не чем иным, как сферой сакрального, Божественного или «падение вниз», животное, десакрализованное бытие и уничтожение человеческого. Сакральное осуществляет связь между внешним принуждением и поддержкой, исходящими от социальной среды, в которую включён конкретный индивид, и самим индивидом, который должен интернализировать запреты и предписания, предлагаемые социальной средой. Индивид, входящий в определенный социум, должен не просто подчиниться его воле, но и внутренне согласиться с ней. Иными словами, ему следует принять те ценности, на основании которых выстроены данные запреты и предписания. Однако индивидуального

принятия мало: только при согласии большинства членов социума в принятии этих ценностей индивид может функционировать как таковой. При отказе от ценностей сверхчеловеческого уровня общество разрушается.

Цель исследования — анализ роли трансгрессивных тенденций в научно-исследовательском и литературно-художественном осмыслении человеком себя и мира в эпоху постмодерна.

Основные тенденции в изучении проблемы. Современная философско-психологическая и литературно-художественная проза уделяет значительное внимание проблемам взаимодействия человека, «маленького» или «большого», с обществом, «подавляющим» или «защищающим»; общества, «раздробленного и бескультурного» или «единого и высокоразвитого», — с государством, «репрессивным» или «демократическим», «слабым» или «сильным» и т. д. Она отмечает процессы плюрализации и интеграции культур (их «глобализации»), которые протекают наряду

с «этническим возрождением» и самостоятельным развитием этнических культур, в том числе их фольклорных и авторских традиций и т. д. Одним из феноменов, который сопровождает процесс «плюрализации» мира, является трансгрессия. При этом последняя обретает две формы: позитивную (трансцендирующую, ресакрализирующую) и негативную (десакрализирующую). «Вектор (тренд) трансгрессии» и «вектор трансценденции» часто совпадают там, где трансгрессия обретает форму ресакрализации: поиск иного оказывается отказом от своего [20; 30]. И, напротив, там, где десакрализация не завершается обретением новых ценностей, трансгрессия остается негативной. Трансценденция как реализация принципа предельности подразумевает не только опору на собственные силы и цели, но и открытость воздействиям Жизни, Бога, возникновение синергий, преобразующих человека, который размыкает свою жизнь как тела или личности до жизни общества или души.

Трансгрессия может быть как более или менее упорядоченной, так и полностью хаотичной: сама идея отказа от ценностных оснований нарушает «принцип органа», подразумевающий, что каждое событие трансценденции или размыкания мира в себя или себя в мир подчинено строгим требованиям к содержанию и процессу, соответствия их формы и содержания, что позволяет понимать себя, сохраняя непрерывность и целостность жизненного потока не только в состоянии духовного делания, психотерапевтического диалога и т. д., но и в повседневности. С уходом тоталитаризма нравственный кризис только изменил свои проявления. Последние десятилетия (в том числе в науке и искусстве) следует рассматривать как его новый этап, который едва ли менее опасен, чем предыдущие. Проявления нравственного кризиса теперь не столь кричаще бесчеловечны, но зато более широки и охватывают уже не изолированные страны, а современную цивилизацию в целом. Однако в последние годы — «магической эпохи» постмодерна с его тотальной «плюрализацией» как десакрализацией — бесчеловечность отношений и такое ее проявление, как преступность, явная и скрытая, интенсивно нарастает.

Одна из ступеней разрушения социальных норм и десакрализации — маргинальная личность. В литературно-художественном и научном творчестве — «маргинальные жанры» и работы, выполненные на стыке художественного и научного, реального и вымышленного. «...Маргинальная личность (*marginalis* — находящийся на краю) — промежуточное состояние “между”, когда человек ощущает глубокий дискомфорт и неудовлетворенность, поскольку теряет Цель и Смысл своего существования. От одного берега он отплыл, а к другому еще не пристал» [28, 288]. Маргинал живет в мире гетеротопии и гетерохронии, которые являются

сутью постмодерна с его лоскутными и симулированными реальностями. В этом контексте «трансгрессия — это жест, который обращен на предел» [25, 117], «преодоление непреодолимого предела», «опыт — предел», «край возможного», «жгучий опыт», который «не придает значения установленным извне границам» [5, 67]. О.В. Ивановская отмечает, что «от принципа тотального коллективизма и обезличенности маятник социальных отношений качнулся сегодня в сторону предельного эгоцентризма и девальвации социально-культурных ценностей <...> “золотая середина” маятника — между стадностью, стандартностью, стремлением быть точь-в-точь как все, с одной стороны, и крайним индивидуализмом, гиперэгоцентризмом...» [7, 262]. Следующая ступень — игнорирование норм и правил, в том числе их нарушение.

От гетеротопии и гетерохронии маргинал переходит к «инотопии» и «иновременью», созданию собственного регулирующего и конституирующего «закона», закона преступного мира. Гетеротопия, по представлениям М. Фуко, есть пространство за пределами всех других. В нем не действуют привычные для общества и личности правовые и нравственные законы, поэтому попадающий в гетеротопию (особенно фронтирную, находящуюся на границе освоенного и неосвоенного им) вынужден адаптироваться к непонятным ему условиям и так или иначе совершать «акт трансгрессии», выходить за пределы традиционных, привычных для него и его среды норм и форм поведения. При этом акты трансгрессии являются одной из типичных форм реагирования на встречу с Чужим / Иным в новых для субъекта трансгрессии условиях, что дает личности или сообществу возможность продуктивных и результативных способов адаптации к меняющимся условиям среды, но одновременно создает риск деструкции и неэффективности [31, 219].

Основные результаты исследования. Таким образом, «трансгрессия сама по себе не является положительным или отрицательным явлением. Это один из механизмов приспособления к новым условиям существования, которые позволяют человеку или обществу выживать в сложных условиях гетерохронии или гетеротопии» [31, 228]. Не питаясь протестом, отталкиванием, он должен научиться жить в мире, т. е. найти мир, найти свое место в нем, найти тишину и согласие, в котором способно реализовать человеческое существо [1–4; 21–22]. Законы преступного, виртуального мира, мира бизнеса и денег — это примеры законов приспособления к невыносимым, противоречащим, разрушающим жизнь условиям. И так, где человек изначально вынужден выживать в условиях тотального разрушения, трансгрессия становится естественным следствием и единственно возможной формой поведения. Конечно, личность и общество в целом

способны к трансценденции и ресакрализации, однако не тогда, когда они даже не знают о их возможности и необходимости. Многие поколения, например до, во время и после войн, вырастают с таким «незнанием». Невежество — одно из следствий негативной трансгрессии, попытка уничтожить страдание вместе с миром и, таким образом, с самим собой.

Р.В. Леушкин отмечает, что «в качестве ключевых характеристик социальной реальности выделяются аутонарративность и трансгрессивность, этим обусловлен способ представления социальной реальности как интересубъективной, самореферентной и аутопоэтической. Это означает, что обыденная реальность имеет естественный и самоорганизующийся характер, а условия ее существования укоренены в самой жизни человека» [14, 98]. Однако в разные эпохи и в разных странах «разброс реальностей» внутри реальности, мера лоскутности, территории культурно-смысловых и нравственно-идеологических «фронтиров» как зон между освоенным и неосвоенным человеком миром различны [12; 13]. Возникают блуждающие или «мерцающие» границы и описывающие их понятия концепты и метафоры. Слово, по выражению П. Клоссовски, ставшее «схватыванием убегающего бытия» [10, 84], и есть «блуждающее слово» [24, 99], которое создает искрящиеся и взрывоопасные тексты, являющиеся «средством освобождения человеческого сознания». Сознание здесь освобождается от власти траекторий смыслообразования, заданных дискурсами, и получает возможность смещать и перемещать перспективы. По А. Шюцу, «смысловый градиент любой интенции состоит из темы — области релеванности, схемы — набора наличного знания и горизонта — области доступной типизации» [33, 26]. На смену рационализму и монолоскутности приходит мистицизм и множественность смысловых лоскутов — реальностей, часть из которых симулякры, часть — обозначения Другости, еще одна часть — Ничто. Как отмечал Ш. Бодлер, опирающийся на идеи Ж. де Местра, мистицизм выступает как поле между двумя полюсами магнита: «Только достигая глубочайших бездн падения, воображение по противоположности зажигает светоч высочайших идеалов <...> как свет: тем ярче, чем резче тени» [18, 160].

«Трансгрессия, в свою очередь, является формой самосознания, которое движется в сторону самоутраты. Точнее сказать, здесь нет никаких сторон... В таком движении нет строгой направленности, но есть берег — предел... Перед нами не просто способ мысли, но способ изживания мысли, которая, пытаясь уловить себя в движении тотальности, невероятным образом норовит опередить самое себя в самодвижении к абсолютному, чтобы наблюдать собственную смерть» [3, 28]. Ж. Батай своеобразно движется

в пространстве этого дискурса: «Я определил “Я” как ценность, но я отказался смешивать его с глубинным существованием <...> он (человек. — А. М.) изживает эту мысль до предельной крайности». «Систематическое принуждение себя к тому, чтобы ощущать свою отвратительность» [21, 34, 36, 226], — так Ж.-П. Сартр назвал этот опыт «жесточайшего омерзения» в отношении собственного существования. Он связан с тем, что человек желает того, чего не может не желать, но чему нет и не может быть подтверждения, ибо страсть, повелевающая такими играми и страшными сновидениями, — это не просто исступленное вожделение быть «Я», это вожделение быть Ничто [11; 21, 228].

Вообще говоря, «трансгрессия нарушает пределы, но не возвращается затем в привычный мир, она открывает путь в неизведанное. Любой прорыв в познании чего-либо, в раскрытии тайны, всегда связан с выходом за границы, с преодолением запрета» [6, 12]. А потому «любое открытие... есть трансгрессия, поскольку является выходом за пределы известного, понятного». Чаще всего результат новаторства не получает поддержки и подтверждающего одобрения, но со временем то, что было или казалось недопустимым, и даже преступным, может стать новой нормой [9, 96]. На этом, в частности, основано действие «окон Дж. Овертона»: в определенный момент в определенном месте — «окне» — возможен смысловой сдвиг, а серия таких смысловых сдвигов способна превратить преступление не просто в норму, но даже в героизм или иной атрибут «избранности», социальной элитарности. Однако же нарушение предела не есть его отсутствие, и потому ключевым моментом здесь является тот факт, что в результате трансгрессивного преступления закона социальный мир не разрушается, а продолжает существовать, поскольку после точечного, конкретного акта трансгрессии человек возвращается в стабильный мир законности, который невозможно пошатнуть единичным нарушением закона, по крайней мере, полностью и сразу для всех [3, 420; 8, 76; 9, 97].

В целом существует два противоположных способа прочтения реальности: герменевтика и трансгрессия. Первый путь предполагает интерпретацию, сводящую гетерогенные сюжетные линии к единому смысловому и сюжетному центру, нарративу, к постижению единства и непрерывности жизни. Второй — отказ от возможных истолкований и утверждение открытости, множественности и трансгрессивности жизни и ее ситуаций, ее парадоксальности и сложности. В свою очередь, М. Магомед-Эминов отмечает, что превращение события, ситуации из повседневного фактора в неповседневную экстремальную ситуацию высвечивает фундаментальный феномен личностного смысла, без учета которого невозможно

психологически адекватно определить феномен стресса, экстремальности, травмы и утраты [15; 16, 32]. Он утверждает, что, «кроме негативно-страдальческого лика, который вызывает основной интерес у психологов, экстремальность имеет другую, оборотную сторону — порождает стойкость, мужество, героизм, сострадание, помощь, иллюминацию, рост, развитие, трансгрессию и др.» [16, 38]. Это дает возможность «выделить в экстремальности как форме неповседневности два <...> модуса — трагическую экстремальность (негативную) и трансгрессивную, эвдемоническую (позитивную) экстремальность. <...> трагическую экстремальность, трансгрессивную экстремальность и повседневность необходимо рассматривать как целостную констелляцию бытия личности <...> трагические, драматические, экстремальные переживания и трансгрессивные переживания перехода предела составляют две стороны экстремальности, которая сама как модус бытия личности констеллирована с повседневным модусом бытия» [16, 31]. «В экстремальной ситуации возникает (является условием возникновения) триадическая структура “расстройство — адаптация — рост”, или в несколько ином ракурсе — “страдание — стойкость — трансгрессия”» [16, 34]. «В терминах адаптации и развития данная триада приобретает следующие формы: “дезадаптация — адаптация — развитие”. Феномен травматического (шире — экстремального) роста (в том числе, посттравматического роста), а также травматической адаптации, стойкости не является сугубо восстановительной работой, а предстает как трансцендентная, трансгрессивная работа <...> жертва — мученик, герой — мужественно выдержавший испытание, мудрец — тот, кто достиг просветления, иллюминации, столкнувшись с трагическим, образуют три ипостаси человека в экстремальности» [16, 36–37]. При этом в эпоху постмодерна распространены феномен удвоения личности, при котором «...личность дублируется <...> на повседневную и неповседневную, ординарную и экстремальную, трансординарную самоидентичности» [15]. «Противоречия между этими идентичностями, в том числе имеющие ценностно-смысловой характер, в самих инцидентальной и постинцидентальной ситуациях создают как “паразитарные” структуры идентичности, так и структуры ретенции (задержки) трансгрессии и роста личности. Три самоидентичности: самоидентичность жертвы, самоидентичность уцелевшего и самоидентичность роста взаимосвязываются, создавая постсобытийную проблематичность существования человека в мире (в страдании, в стойкости и росте)» [16, 34].

С уходом тоталитаризма широкое распространение практик и установок трансгрессии, «преступания» всех и всяческих норм стало

новой формой саморазрушения сообществ [28]. Психоделическая революция на Западе, а в некоей мере и в России, этический нигилизм, в высокой степени характерный для молодежных субкультур, для авангардного, а затем и новейшего трансавангардного искусства, атмосфера тотальной дозволенности, господства гедонизма и потребительства в масскультуре, «сексуальные революции» и иные революции и трансформации, связанные с нарушением биоэтики, сопутствующая им резкая духовно-нравственная деградация, этическое падение и этический вакуум, возникшие в результате «расширения возможностей» человека в научно-технической и иных сферах, разрушение ряда государств и трансформация границ между странами, возникновение массовых сепаратистских движений, массового терроризма и войн поставили общество на грань принятия морально-поведенческих стандартов уголовной среды в качестве повседневной нормы. Известные уголовники, не отказываясь от кодексов и всего стиля своей среды, становятся публично знаменитыми и влиятельными членами общества, «законы тюрьмы» явно и неявно подменяют социально-правовые нормы и правила, обнажая их смысл как арбитражных привилегий правящих классов, а также претендуют на смещение законов Божественных. В жизни каждого человека происходит борьба на понижение или повышение: от червя до Бога, от себя к другому и т. д. Говоря о результатах духовных практик и их значении для развития общества, необходимо помнить о плодах Духа в трактовке апостола Павла: «Плод же духа: любовь, радость, мир, долготерпение, благодать, милосердие, вера, кротость, воздержание. На таковых нет закона» (Послание к Галатам, 5:22–23) [28].

Выводы и рекомендации. С.С. Хоружий, анализируя становление «постчеловека», отмечает необходимость создания синергичной герменевтики или герменевтики постчеловеческих трендов («векторов»), которая позволит осмыслить антропологические аспекты трансформации человечества, в том числе в процессе его «втягивания» в техногенный мир, понять тот способ, которым конституируется Человек, роль диалога и встречи «лицом к лицу». Литературно-художественное творчество, научно-исследовательское творчество, психотерапия, различные социальные и духовные практики помогают понять и освоить этот способ, оценить опасность современной антропологической ситуации, состоящей в активной и разносторонней игре человечества «на понижение» (самого себя), трансгрессию и разрыв человеческих, братских или дружеских отношений (отношений любви), их замены отношениями потребления (власти и использования) [20]. Там, где нет нравственности, нет дружбы и свободы дружить, там

возникает сплоченность как вариант, по выражению С.С. Хоружего, «насильственной синергии», то есть «связанности одной цепью» [29, 782–783]. Вместе с тем с начала времен «человек приучался нести не только физическую, но и метафизическую нагрузку, и прежде всего заботу <...> о вечных ценностях, <...> все то, что сегодня люди сбрасывают с себя в погоне за собственным комфортом» [28, 709]. Имитации возникают там, «где метафизические явления понимаются предметно, овеществляются. Где «вечные

ценности» — это «не более чем предмет, который можно повторить <...> где сознание отказывается идти на риск» — риск изменений и понимания, риск встречи и любви, риск неопределенности и выбора и т. д. Литературное творчество и иные практики продуктивной трансгрессии или трансценденции должны сочетать аскезу и восторг души, помогая осознанию как понимаемую реальности — бодрствование и отрезвление человека перед лицом угроз десакрализации и негативной трансгрессии [17].

ИСТОЧНИКИ

1. Агапов О.Д. Стратегии трансценденции и трансгрессии в социально-философском измерении / О.Д. Агапов // Социально-философские очерки: Казанско-Екатеринбургский сборник научных статей / под ред. О.Д. Агапова. — Казань : КГУ, 2014. — С. 4–18.
2. Батай Ж. Запрет и трансгрессия [Электронный ресурс] / Ж. Батай. — Режим доступа : <http://vispir.narod.ru/bataj2.htm> (дата обращения: 10.10.2016).
3. Батай Ж. Суверенность / Ж. Батай // Батай Ж. Проклятая часть: сакральная социология. — Москва : Ладомир, 2006. — 742 с.
4. Бибахин В.В. Внутренняя форма слова / В.В. Бибахин. — Санкт-Петербург : Наука, 2008. — 420 с.
5. Бланшо М. Опыт-предел / М. Бланшо // Танатография Эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века. — СПб. : Мифрил, 1994. — 346 с.
6. Зимин В.А. Функция трансгрессии / В.А. Зимин // Психоанализ и искусство / сост. Е.А. Спиркина. — Москва : Когито-Центр, 2011. — С. 11–35.
7. Ивановская О.В. Трансценденция против трансгрессии / О.В. Ивановская // Научные проблемы гуманитарных исследований. — 2010. — № 1. — С. 256–268.
8. Исаев Н.А. Преступление как акт трансгрессии / Н.А. Исаев // Общество и человек. — 2013. — № 3–4 (6). — С. 75–77.
9. Каштанова С.М. Трансгрессия социальная и трансгрессия культурная / С.М. Каштанова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2014. — № 11 (49), ч. 2. — С. 95–97.
10. Клоссовски П. Симулякры Жоржа Батай / П. Клоссовски // Танатография Эроса: Жорж Батай и французская мысль XX века. — СПб. : Мифрил, 1994. — С. 79–91.
11. Круглова И.Н. «Внутреннее и внешнее»: игра трансгрессии / И.Н. Круглова // Вестник Томского гос. ун-та. — 2008. — № 309. — С. 27–31.
12. Куликов Д.В. Феноменология трансгрессии обыденного сознания / Д.В. Куликов // Личность. Культура. Общество. — 2013. — Т. XV. — № 1 (77). — С. 112–116.
13. Лафицкая Н.В. Трансгрессия / Н.В. Лафицкая // Профессиональная психотерапевтическая газета. — 2013. — Вып. 2. — С. 5–6.
14. Леушкин Р.В. Режимы конструирования социальной реальности: аутонаррация и трансгрессия / Р.В. Леушкин // Философская мысль. — 2015. — № 11. — С. 98–111.
15. Магомед-Эминов М.Ш. Психология уцелевшего / М.Ш. Магомед-Эминов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. — 2005. — № 3. — С. 112–121.
16. Магомед-Эминов М.Ш. Феномен экстремальности / М.Ш. Магомед-Эминов // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Сер. 12. «Психология. Социология. Педагогика». — 2010. — № 1. — С. 28–38.
17. Марков Б.В. Люди и знаки: антропология межличностной коммуникации / Б. Марков. — Санкт-Петербург : Наука, 2011. — 522 с.
18. Нольман М.Л. Бодлер. Судьба. Эстетика. Стиль / М.Л. Нольман. — Москва : Худ. лит., 1979. — 316 с.
19. Пугачева Л.Г. Феномен границы как основание интенциональности разума и предметного восприятия реальности / Л.Г. Пугачева // Известия Саратовского университета. Сер. «Философия. Психология. Педагогика». — 2009. — Вып. 2. — С. 36–41.
20. Седакова О.А. *Moralia*. / О. Седакова. — Москва : Рус. фонд содействия образованию и науке, 2010. — Т. IV. — 505 с.
21. Танатография Эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века. — СПб. : Мифрил, 1994. — 346 с.

22. Топчиев М.С. Религиозная трансгрессия и ее влияние на современное общество / М.С. Топчиев // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2015. — № 11 (61), ч 3. — С. 153–157.
23. Топчиев М.С. Особенности религиозной трансгрессии на фронтире / М.С. Топчиев, В.С. Дрягалов // Каспийский регион: политика, экономика, культура. — 2015. — № 4 (45). — С. 257–260.
24. Фаритов В.Т. Проблема философского языка (трансгрессия и трансценденция в философском высказывании) / В.Т. Фаритов // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. — 2014. — № 41–42. — С. 94–100.
25. Фуко М. О трансгрессии / М. Фуко // Танатография эроса. Жорж Батай и французская мысль середины XX века / сост. С.Л. Фокин. — СПб. : Мифрил, 1994. — 364 с. — С. 110–132.
26. Хоруженко К.М. Культурология : энцикл. слов. / К.М. Хоруженко. — Ростов-н/Д : Изд-во «Феникс», 1997. — С. 288.
27. Хоружий С. Зона [Электронный ресурс] / С.С. Хоружий // Альманах «Лебедь». — 2005. — № 445. — 02 октября. — Режим доступа : <http://www.lebed.com/2005/art4338.htm> (дата обращения: 10.07.2016).
28. Хоружий С.С. От синергийной антропологии к социальной философии, или диалог с Максом Вебером / С.С. Хоружий // Хоружий С.С. Новые методы в решении фундаментальных проблем социальной философии: синергийная антропология. — Москва : Познание, 2009. — 715 с.
29. Хоружий С.С. Трансформативная антропология глазами синергийной антропологии (к проблеме Постчеловека) / С.С. Хоружий // Фонарь Диогена. Проект синергийной антропологии в современном гуманитарном контексте. — Москва : Прогресс — Традиция, 2010. — С. 782–783.
30. Цыгуля Н.П. Феномен сакрального в контексте социального бытия : дис. ... канд. философ. наук / Н.П. Цыгуля. — Чебоксары : Чуваш. гос. ун-т им. И.Н. Ульянова, 2010. — 136 с.
31. Якушенкова О.С. Религиозная трансгрессия в условиях гетеротопии / О.С. Якушенкова // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского гос. аграр. ун-та. — 2015. — № 113. — С. 219–229.
32. Magomed-Eminov M. Post-traumatic Stress Disorders as a Loss of Meaning of Life / M. Magomed-Eminov // States of Mind / Eds. D. Halpern, A. Voiskunsky. — Oxford, 1997. — P. 238–250.
33. Schutz A. The Problem of Social Reality. Collected papers, Vol. I. / A. Schutz Ed. by M. Natanson. — Hague : Martinus Nijhoff, 1962/1973. — 131 p.

REFERENCES

1. Agapov O.D. Strategii transtsendentsii i transgressii v socialno-filosofskom izmerenii / O.D. Agapov // Sotsialno-filosofskie ocherki: Kazansko-Ekaterinburgskii sbornik nauchnykh statei / pod red. O.D. Agapova. — Kazan : KGU, 2014. — S. 4–18.
2. Batai Zh. Zapret i transgressiia [Elektronnyi resurs] / Zh. Batai. Rezhim dostupa : <http://vispir.narod.ru/bataj2.htm> (data obrashheniia: 10.10.2016).
3. Batai Zh. Suverennost / Zh. Batai // Batai Zh. Prokliataia chast: sakralnaia sotsiologiiia. — Moskva : Ladimir, 2006. — 742 s.
4. Bibikhin V.V. Vnutrennaia forma slova / V. Bibikhin. — Sankt-Peterburg : Nauka, 2008. — 420 s.
5. Blansho M. Opyt-predel / M. Blansho // Tanatografiia Erosa: Zhorzh Batai i frantsuzskaia mysl serediny XX veka. — SPb. : Mifril, 1994. — 346 s.
6. Zimin V.A. Funktsiia transgressii / V.A. Zimin // Psikhooanaliz i iskusstvo / sost. Ye.A. Spirkina. — Moskva : Kogito-Centr, 2011. — S. 11–35.
7. Ivanovskaia O.V. Transtsendentsiia protiv transgressii / O.V. Ivanovskaia // Nauchnyie problemy gumanitarnykh issledovaniia. — 2010. — № 1. — S. 256–268.
8. Isaev N.A. Prestuplenie kak akt transgressii / N.A. Isaev // Obshchestvo i chelovek. — 2013. — № 3–4 (6). — S. 75–77.
9. Kashtanova S.M. Transgressiia sotsialnaia i transgressiia kulturnaia / S.M. Kashtanova // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiia i iskusstvovedeniie. Voprosy teorii i praktiki. — 2014. — № 11 (49), ch. 12. — S. 95–97.
10. Klossovski P. Simuliakry Zhorzha Bataia / P. Klossovski // Tanatografiia Erosa: Zhorzh Batai i frantsuzskaia mysl XX veka. — SPb : Mifril, 1994. — S. 79–91.
11. Kruglova I.N. «Vnutrennie i vneshnie»: igra transgressii / I.N. Kruglova // Vestnik Tomskogo gos. un-ta. — 2008. — № 309. — S. 27–31.
12. Kulikov D.V. Fenomenologiiia transgressii obydennoogo soznaniia / D.V. Kulikov // Lichnost. Kultura. Obshchestvo. — 2013. — T. XV. — № 1 (77). — S. 112–116.

13. Lafitskaia N.V. Transgressiia / N.V. Lafitskaia // Professionalnaia psikhoterapevticheskaia gazeta. — 2013. — Vyp. 2. — S. 5–6.
14. Leushkin R.V. Rezhimy konstruirovaniia sotsialnoi realnosti: autonarratsiia i transgressiia / R.V. Leushkin // Filosofskaia mysl. — 2015. — № 11. — S. 98–111.
15. Magomed-Eminov M.Sh. Psikhologiiia utselevshego / M.Sh. Magomed-Eminov // Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 14. — 2005. — № 3. — S. 112–121.
16. Magomed-Eminov M.Sh. Fenomen ekstremalnosti / M.Sh. Magomed-Eminov // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 12. «Psikhologiiia. Sotsiologiiia. Pedagogika». — 2010. — № 1. — S. 28–38.
17. Markov B.V. Liudi i znaki: antropologiiia mezhlichnostnoi kommunikatsii / B.V. Markov. — Sankt-Peterburg : Nauka, 2011. — 522 s.
18. Nolman M.L. Bodler. Sudba. Estetika. Stil / M.L. Nolman. — Moskva : Hud. lit., 1979. — 316 s.
19. Pugacheva L.G. Fenomen granitsi kak osnovanie intentsionalnosti razuma i predmetnogo vospriiatiiia realnosti / L.G. Pugacheva // Izvestiia Saratovskogo universiteta. Ser. «Filosofia. Psihologiiia. Pedagogika». — 2009. — Vyp. 2. — S. 36–41.
20. Sedakova O.A. Moralia. / O. Sedakova. — Moskva : Rus. fond sodeistviia obrazovaniuu i nauke, 2010. — T. IV — 505 s.
21. Tanatografiia Erosa: Zhorzh Batai i frantsuzskaia mysl serediny XX veka. — SPb. : Mifril, 1994. — 346 s.
22. Topchiev M.S. Religioznaia transgressiia i yeio vliianiie na sovremennoie obshhestvo / M.S. Topchiev // Istoricheskiie, filosofskiie, politicheskiie i yuridicheskiie nauki, kulturologiiia i iskusstvovedeniie. Voprosy teorii i praktiki. 2015. — № 11 (61), ch. 3. — S. 153–157.
23. Topchiev M.S. Osobennosti religioznoi transgressii na frontire / M.S. Topchiev, V.S. Driagalov // Kaspiiskii region: politika, ekonomika, kultura. — 2015. — № 4 (45). — S. 257–260.
24. Faritov V.T. Problema filosofskogo yazyka (transgressiia i transtsendentsiia v filosofskom vyskazyvanii) / V.T. Faritov // Aktualnye voprosy obshhestvennykh nauk: sotsiologiiia, politologiiia, filosofiiia, istoriia. — 2014. — № 41–42. — S. 94–100.
25. Fuko M. O transgressii / M. Fuko // Tanatografiia erosa. Zhorzh Batai i francuzskaia mysl serediny XX veka / sost. S.L. Fokin. — SPb. : Mifril, 1994. — 364 s. — S. 110–132.
26. Khoruzhenko K.M. Kulturologiiia: entsikl. slov / K.M. Khoruzhenko. — Rostov-n/D : Izd-vo «Feniks», 1997. — S. 288.
27. Khoruzhii S. Zona [Elektronnyi resurs] / S.S. Khoruzhii // Almanakh «Lebed». — 2005. — № 445. — 02 oktiabria. — Rezhim dostupa: <http://www.lebed.com/2005/art4338.htm> (data obrashhenija 10.07.2016).
28. Khoruzhii S.S. Ot sinergiinoi antropologii k sotsialnoi filosofii, ili dialog s Maksom Veberom / S.S. Khoruzhii // Khoruzhii S.S. Novyie metody v reshenii fundamentalnykh problem sotsialnoi filosofii: sinergiinaia antropologiiia. — Moskva : Poznaniie, 2009. — 715 s.
29. Khoruzhii S.S. Transformativnaia antropologiiia glazami sinergiinoi antropologii (k probleme Postcheloveka) / S.S. Khoruzhii // Fonar Diogena. Proekt sinergiinoi antropologii v sovremennom gumanitarnom kontekste. — Moskva : Progress — Traditsiia, 2010. — S. 782–783.
30. Tsygulia N.P. Fenomen sakralnogo v kontekste sotsialnogo bytiia : dis. ... kand. filosof. nauk / N.P. Tsygulia. — Cheboksary : Chuvash. gos. un-t im. I.N. Ulianova, 2010. — 136 s.
31. Yakushenkova O.S. Religioznaia transgressiia v usloviiah geterotopii / O.S. Yakushenkova // Politematicheskii setevoi elektronnyi nauchnyi zhurnal Kubanskogo gos. agrar. un-ta. — 2015. — № 113. — S. 219–229.
32. Magomed-Eminov M. Post-traumatic Stress Disorders as a Loss of Meaning of Life / M. Magomed-Eminov // States of Mind / Eds. D. Halpern, A. Voiskunsky. — Oxford, 1997. — P. 238–250.
33. Schutz A. The Problem of Social Reality. Collected papers, Vol. I. / A. Schutz Ed. by M. Natanson. — Hague : Martinus Nijhoff, 1962/1973. — 131 p.

Мар'ям Арпентьева

ТРАНСГРЕСІЯ І УСПІХ РЕВОЛЮЦІЙ

У статті здійснено аналіз соціокультурних аспектів феномену трансгресії. Феномен трансгресії порівнюється з феноменом трансценденції; відзначається роль десакралізації у виникненні (породженні) й руйнуванні (забороні) трансгресії.

Акти трансгресії є однією з типових форм реагування на зустріч з Чужим / Іншим у нових для суб'єкта трансгресії умовах. Це дає особистості або спільноті можливість продуктивних і ефективних способів адаптації до мінливих умов середовища, але водночас створює ризик деструкції та неефективності, у тому числі якісного й кількісного розвитку злочинності. Трансгресія сама по собі не є позитивним чи негативним явищем. Це один із механізмів пристосування до нових умов існування, які дають змогу людині чи суспільству виживати в складних умовах гетерохронії або гетеротопії.

Літературно-художня та філософсько-психологічна проза відображає трансгресивні й трансцендентні тенденції у розвитку людини і суспільства, осмислюючи все нові види злочинів людини і суспільства проти себе й одне одного, пов'язані з десакралізацією як постійною «грою на пониження». «Гра на пониження» поєднується з тотальним розвалом культури як системи заборон і приписів, що сприяють збереженню, гармонізації та розвитку людини і суспільства.

Ключові слова: трансгресія, сакральне, десакралізація, трансценденція, породження, заборона, припис, революція.

Mariyam Arpentieva

TRANSGRESSION AND SUCCESS OF REVOLUTION

The article deals with the sociocultural aspects of the phenomenon of transgression. The phenomenon of transgression is compared with the phenomenon of transcendence, the role of desacralization in the emergence (creation) and destruction (prohibition) transgression. Acts of transgression are one of the typical reactions to a meeting with a Stranger / Different new to the subject of transgression conditions that gives the person or community opportunity for productive and effective ways of adaptation to changing environmental conditions, but creates a risk of destruction and inefficiency, including qualitative and quantitative development of crime. Transgression is not in itself positive or negative. This is one of the mechanisms of adaptation to new conditions of existence. It allows a person or company to survive in difficult conditions of heterochrony or heterotopia. Literary and philosophical-psychological prose reflects transgressive and transcendental trends in the development of man and society, reflecting on all the new types of crime the individual and society against each other related to the desacralization of permanent as "shorting". "Shorting" is combined with the total collapse of culture as a system of prohibitions and regulations that promote the preservation, harmonization and development of man and society.

Key words: transgression, sacred, desacralization, transcendence, product, prohibition, injunction, revolution.

УДК 821.161.2.09:82-31

Ольга Башкирова

ПОВСТАННЯ ПРОТИ «ВЛАДИ БАТЬКІВ» ЯК ІНІЦІАЦІЯ В СУЧАСНІЙ УКРАЇНСЬКІЙ РОМАНІСТИЦІ (НА МАТЕРІАЛІ ТРИЛОГІЇ ЛЮКО ДАШВАР «БИТІ Є»)

У статті розглянуто сюжетну модель ініціації, репрезентовану трилогією Люко Дашвар «Биті Є». Предметом спеціального зацікавлення стають шляхи художнього втілення проблеми «війни генерацій». Досліджено характер переосмислення в індивідуально-авторській моделі світу архетипів матері, батька, близнюків тощо. Окреслено основні принципи організації художнього часу і простору (актуалізація архаїчних просторових констант дороги, лісу, дому; міфологічний принцип «вічного повторення» і числова символіка, характерна для чарівної казки). Водночас значну увагу приділено ознакам постмодерністського мислення, втіленим у трилогії, передусім інтертекстуальним зв'язкам та тенденціям до переосмислення літературної традиції, зокрема класичної форми європейського роману. На основі цих спостережень романістика авторки представлена як поле взаємодії архаїчних пластів художнього мислення і класичного «роману виховання».

Ключові слова: ініціація, роман, міф, архетип, казка.

Романістика початку ХХІ ст., якій притаманні складність і багатовекторність творчих пошуків, стильове і жанрове багатоголосся,

виразно засвідчує безпосереднє чи алюзійно-пародійне повернення до традиційної романної структури, прагнення відновити, поруч із характерним